

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 159.9.019

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ПСИХОЛОГИИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕНСИВНОГО РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Зубова Людмила Викторовна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии и психологии личности, Оренбургский государственный университет, Оренбург
e-mail: zubowa@yandex.ru

Болдырева Татьяна Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии личности, Оренбургский государственный университет, Оренбург
e-mail: ttatianna@yandex.ru

***Аннотация.** Стремительное развитие информационных технологий привело к существенной трансформации организации общения и взаимодействия человека с другими людьми, с общественными институтами. Преодоление пространственных и временных ограничений в трансляции информации, образование так называемой информационной, «виртуальной» реальности приводит к некоторым изменениям во взаимодействии человека с окружающим миром.*

Эмпирические исследования в области психологии фиксируют появление новообразований, ранее не свойственных подросткам и юношам, особенности мышления, которые связывают с лавинообразным возрастанием объёма информационного потока, получаемого каждым человеком, и, в связи с этим отличными от прежде формируемыми структурами восприятия и принятия решений.

Психические по своей сути явления часто становятся предметом моделирования с помощью методов, не учитывающих многосложность и целостность психики человека как предмета исследования.

Предпринимаются попытки ревизии материалистических принципов научного исследования в целом, включая исследования психологические. Выдвигаются аргументы, доказывающие неоправданность ревизионистских подходов, поскольку в основе их редуцированные представления о психике, нецелесообразность применения которых по отношению к предмету психологии доказывал ещё Б.Ф. Ломов в 70-80 годы прошлого века.

Появление новых технологических возможностей раскрывает перед психологией и новые возможности организации эмпирических исследований, но для того, чтобы эти возможности были в полной мере реализованы, требуется дальнейшая разработка основных методологических проблем: психофизической, психофизиологической и психогенетической.

В контексте рассмотрения закономерностей психологического воздействия, прогнозирования эффектов его воздействия прагматический смысл обретает формирование и оптимизация измерительных систем информации, поскольку существующие в теории информации измерительные системы по отношению к целям и задачам психологических исследований оказываются не применимы.

Все разнообразие подходов к описанию феноменов влияния информационных технологий на человека и его психику, по мнению авторов, должно учитывать два аспекта: воздействие собственно информации и воздействие посредством организации информационного пространства.

Ключевые слова: методология психологии, психофизическая проблема, психофизиологическая проблема, информационное общество, информация, информационное воздействие, психологическое воздействие, «Я-виртуальное».

Для цитирования: Зубова Л. В., Болдырева Т. А. Методологические перспективы психологии в условиях интенсивного развития информационных технологий // Шаг в науку. – 2023. – № 2. – С. 11–20.

METHODOLOGICAL PERSPECTIVES OF PSYCHOLOGY IN CONDITIONS OF INTENSIVE DEVELOPMENT OF INFORMATION TECHNOLOGIES

Zubova Lyudmila Viktorovna, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of General Psychology and Personality Psychology, Orenburg State University, Orenburg
e-mail: zubowa@yandex.ru

Boldyreva Tatyana Aleksandrovna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of General Psychology and Personality Psychology, Orenburg State University, Orenburg
e-mail: ttatianna@yandex.ru

***Abstract.** The rapid development of information technologies has led to a significant transformation in the organization of communication and human interaction with other people, with public institutions. Overcoming spatial and temporal restrictions in the transmission of information, the formation of the so-called informational, "virtual" reality leads to some changes in the interaction of a person with the outside world.*

Empirical studies in the field of psychology record the appearance of neoplasms that were not previously characteristic of adolescents and young men, features of thinking that are associated with an avalanche-like increase in the volume of information flow received by each person, and, in this regard, different from the previously formed structures of perception and decision-making.

Mental phenomena in their essence often become the subject of modeling using methods that do not take into account the complexity and integrity of the human psyche as a subject of research.

Attempts are being made to revise the materialistic principles of scientific research in general, including psychological research. Arguments are put forward that prove the unjustification of revisionist approaches, since they are based on reduced ideas about the psyche, the inappropriateness of which in relation to the subject of psychology was proved by B.F. Lomov in the 70-80s of the last century.

The emergence of new technological possibilities opens up new possibilities for the organization of empirical research to psychology, but in order for these possibilities to be fully realized, further development of the main methodological problems is required: psychophysical, psychophysiological and psychogenetic.

In the context of considering the patterns of psychological impact, predicting the effects of its impact, the formation and optimization of information measurement systems acquires pragmatic meaning, since the measurement systems existing in information theory in relation to the goals and objectives of psychological research are not applicable.

The whole variety of approaches to describing the phenomena of the influence of information technologies on a person and his psyche, according to the authors, should take into account two aspects: the impact of the information itself and the impact through the organization of the information space.

Key words: methodology of psychology, psychophysical problem, psychophysiological problem, information society, information, information influence, psychological influence, "I-virtual".

Cite as: Zubova, L. V., Boldyreva, T. A. (2023) [Methodological perspectives of psychology in conditions of intensive development of information technologies]. *Shag v nauku* [Step into science]. Vol. 2, pp. 11–20.

Развитие технических возможностей сформировало новые условия существования человека, коммуникативный процесс в значительной мере утратил пространственные ограничения, всё в меньшей степени благодаря развитию искусственного интеллекта ограничением в поиске и понимании сообщений выступает языковой барьер. Это размывает фактологическую основу и событийную составляющую текстов, сообщений. Не коммуникативная, а формирующая поведение потребителя информационного продукта функция доминирует в силу обилия и возможностей преодоления фильтров до-

ставляемого контента, выставляемых пользователями гаджетов.

Доминирование оценочного, внушающего то или иное отношение к событию, к мысли, к действиям, целенаправленное или произвольное смешение фактов и вымыслов, идея возможности преодоления посредством современных технологий ограниченности и определённости биологической и физической природы человека, появление альтернативной социальной реальности в цифровом пространстве социальных сетей на фоне мировых событий, аналогов которым в обозримой истории

не было обнаружено, – все это в совокупности создаёт необходимость развития методологической базы современной психологии, которая позволила бы корректно описывать, внятно объяснять и с высокой вероятностью прогнозировать влияние системных и внесистемных информационных факторов на психическое развитие ребенка, на формирование и трансформацию личностных структур у взрослого человека, на процессы межличностного взаимодействия и социальные процессы.

На рубеже XX–XXI века темы не только технологической, но и цивилизационной трансформации постепенно становятся предметом обсуждений в сфере социологии, философии, экономики. Не обладая понятийным аппаратом, который позволил бы описывать те, первоначально рассматриваемые как специфические, прецеденты влияния массовых изменений в технологических процессах обеспечения коммуникации производственных и социальных сфер, в научном сообществе возникают идеи ревизии материалистической методологии научного познания, предлагаются новые представления об этапах развития человеческой цивилизации, по новым основаниям. Например, С. А. Дятлов предлагает выделять «семь эволюционно-информационных стадий развития человеческой цивилизации, обусловленных соответствующими типами информационных технологий» [5]. Предлагается отличное от материалистического понимание связи материального и идеального: «... результаты и продукты экономической деятельности людей ... представляют собой опредмеченное (овеществленное или персонифицированное) научное знание» [5]. Интенсивное развитие информационных технологий, таким образом, актуализирует вопрос основополагающих методологических принципов научного познания: о первичности материального и идеального. В данном контексте информация рассматривается не как фактор человеческого бытия, а, собственно, как само бытие. Отметим при этом, что понятие информации определяется автором все же как «атрибутивная характеристика сознания».

В данном случае обращает на себя внимание противоречивость методологических позиций при узконаправленном рассмотрении влияния информации на психические по своей сути явления.

Вместе с тем появляются публикации, в которых доказывается влияние нематериальных по своей природе воздействий – психокоррекционных – на биохимию человека [6]. Примечательно, что авторы данного исследования ни в коей мере не делают выводов о необходимости пересмотра основополагающих подходов в организации исследования. Вероятно, в данном случае речь идет, прежде все-

го, о понимании неразрывного единства биологических и психологических процессов, которое зафиксировать на современном этапе развития науки возможно, но выявление механизмов и направленности этих взаимовлияний остаётся в числе требующих своего разрешения задач.

При всей противоречивости позиций первичности материального или идеального центральным предметом спора остаётся человек, та составляющая его бытия, которая позволяет объединить в себе материальный мир и идеальный, мир физический, биологический с миром идей, информации, – психика человека. Расширившаяся за последние 30 лет практика психологической помощи, рост числа исследований в области психологии, выполняемых как точечные, узконаправленные на разрешение конкретных проблем, придерживающиеся прецедентного, а не системного отечественного подхода, простимулировало актуализацию определения направленности влияния субъективного и объективного (психики и информации). Возникают идеи нематериальной природы психики и неоправданного доминирования идей материалистической диалектики, теорий высшей нервной деятельности в психологии. Психика объявляется саморазвивающейся информационной системой [13]. Рассуждая о необходимости системного подхода в психологии еще в 1974 году, Б. Ф. Ломов писал о сложной природе психики, о непродуктивности противопоставления одного редуccionистского подхода (биологизаторского) другому, относительно новому – социологизаторскому [11]. Вероятно, мы наблюдаем формирование новой редуccionистской теории – информационной, возникшей как попытка экстраполяции интенсивно развивающихся в одной сфере технологий на другую, между которыми, безусловно, могут быть найдены некоторые аналогии.

Внедрение информационных технологий во все сферы жизнедеятельности человека сделало акцентом исследований и теоретических размышлений проблему информационной безопасности, безопасности личности в информационном пространстве, породило понятие «безопасной информационной среды», «защиты от манипулятивного информационного воздействия», «защиты от негативного информационного воздействия», «опасный/безопасный контент» и так далее. При этом, предметная область безопасности в условиях увеличения объёма и интенсификации воздействия информационной среды также остаётся мало определенной.

Активно обсуждаются вопросы защиты личности, но что именно понимать под защитой личности, как это может быть соотнесено с правом получения любым гражданином отвечающей его потребностям

информации, что выступает в качестве критерия оценки по дихотомической шкале «полезный-опасный», продолжает оставаться предметом размышлений и дискуссий. На данный момент внятных, учитывающих различные вариации форм и методов предъявления информации, организации взаимодействия коммуникатора с реципиентом, содержательных особенностей и языкового и/или графического оформления сообщений критериев не сформулировано. Вероятно, это связано с отсутствием устоявшейся, удовлетворяющей всех участников процесса порождения и потребления информации системой обозначения обсуждаемых феноменов, в силу чего и создаётся прецедент избыточно вариативной трактовки явлений, обсуждаемых в связи с категоризацией предмета регулирования в области информационной безопасности отдельного человека. Довольно большое число публикаций наполнено метафорами в ущерб научной точности.

Тем не менее, постепенно исследуемые феномены приобретают терминологическую определенность, появляются понятия, которые дают возможность дифференцировать общеупотребительные слова от более или менее строгих научных понятий.

Стремление найти место ценностям в разнотипных процессах манипулятивного воздействия, объясняя через протекционный потенциал устоявшейся картины мира неэффективность и эффективность различных манипуляций, А. Н. Фортунатов обращается к проблеме идеологии в обществе. Статья опубликована в 2003 году и основным её содержанием выступает разъяснение необходимости создания такой системы образования, которая ставила бы своей целью именно формирование зрелой, самостоятельной личности, обладающей способностью к сопротивлению манипулятивным воздействиям, – тактическим ли, отличающимся интенсивностью и актуальностью целей, стратегическим ли, отличающимся отдаленностью цели и латентностью трансформаций в смысловой сфере личности. Автор активно использует широкий терминологический аппарат, включающий как строгие научные, так и сленговые (из профессионального сленга психологов) понятия.

Рассматриваются вопросы, связанные с количественными характеристиками информационных потоков, которые обрушились на современного человека в силу развития средств коммуникации [2; 17].

Вероятно, в связи с методическими затруднениями по определению количественных характеристик объёма воздействующих непосредственно на конкретного человека информационных потоков, эмпирических исследований в этой сфере фактически нет. Все обнаруженные нами по данной

тематике публикации носили характер описательный, в какой-то мере моделирующий, в том числе и с использованием математических моделей, однако общей остаётся неразрешенная проблема измерения объема воспринимаемой отдельным человеком информации, разделение направленного на реципиента потока и реально им воспринимаемого; информационного потока воспринимаемого и информации, оказывающей воздействие, – так же, как неразрешенным остаётся вопрос измерения эффекта воздействия на конкретного человека [10].

Так, нами было проведено скрининговое исследование методом интроспекции студентов в период самоизоляции в связи с профилактикой распространения новой коронавирусной инфекции. Студенты писали ежедневные отчеты об информации по COVID-19 из разных источников, оценивали изменения собственного состояния под воздействием получаемой информации.

В исследовании приняли участие 52 человека (юноши и девушки). Любое колебание настроения, которое возникло у студента под воздействием полученной им информации из любых источников, было принято за единицу эффективного воздействия. Например, студент продолжает предложение «Тревога сегодня повысилась после того, как ...» словами «... прочитала в новостной ленте, что в Оренбургской области увеличилось число подтвержденных случаев заболевания», считаем за единицу эффективного воздействия. Если студент в продолжении данного предложения ставит прочерк и пишет пояснение: «... новости читала, но тревога не повышалась: все по-старому, зараженных больше, врачи пашут, мы сидим дома», либо связывает повышение тревоги с бытовыми вопросами, с межличностными конфликтами (но не на почве определения позиций по отношению к целесообразности введенного режима самоизоляции), то определяем это как нулевой эффект воздействия.

В качестве стимульных были предложены зачины предложений, которые указывали не только на нарастание негативных эмоций, но и, наоборот, на стабилизацию настроения, на позитивные эмоции. По отношению к ним единицы эффекта воздействия определялись аналогично.

Исследование проводилось с 6 по 15 апреля 2020 года. Было отмечено, что однотипная, хотя и довольно массивная и интенсивная информация по ситуации с распространением COVID – 19, обладает угасающей динамикой воздействия. Так, в течение первых трех дней у всех студентов в отчетах насчитывалось не менее 3 единиц эффективного воздействия, однако к 11 апреля уже в 21% отчетов были только нулевые эффекты воздейст-

вия. К 15 апреля отчеты с нулевыми эффектами воздействия составляли уже 40%. При этом, в отчете предполагался специальный пункт, в котором студент должен был указать тот объем информации, который поступал к нему в течение дня из источников, которые использует он или проживающие с ним люди. По отношению к зафиксированным эффектам воздействия объем указанных сообщений, которые прочитал, услышал, воспринял аудиально или в виде графических и/или реалистичных изображений, текстов студент – превышал не менее, чем в 10 раз в каждом отчете.

Отметим, что в силу ургентности при проведении исследования далеко не все переменные были учтены, кроме того, возможностей для разделения поступающих информационных потоков, дифференцированной оценки разной по модальности и источникам информации не было, следовательно, выводы носят ориентирующий характер.

Также приведенный пример эмпирического исследования позволяет констатировать, что для измерения эффективности воздействия во всяком эмпирическом исследовании требуется изобретение уникальной измерительной системы, ориентированной на конкретную методику эксперимента, и, следовательно, возможность сопоставления разных исследований отсутствует.

Тем не менее, на основании кратко описанных результатов можно утверждать, что далеко не вся оказавшаяся в поле зрения, зафиксированная на сознательном уровне информация оказывает воздействие на человека. В зависимости от новизны и фактологического наполнения одна и та же информация может оказывать на одного и того же человека в разные временные промежутки разное, зачастую, прямо противоположное воздействие. Хотя это можно отнести к категории «очевидных» истин, существуют психологические концепции, которые утверждают обратное, оперируя при этом описанием отдельных случаев с опорой на личный опыт разработчика концепции [13]. Такое редукционистское понимание психики как информационной системы не учитывает уже имеющиеся в науке концепции, преодолевающие редукционизм и дуализм в понимании психики, постулирующие вторичность психического по отношению к биологическому с признанием принципиального отличия в функционировании материального субстрата и порождаемой им психикой.

Кроме того, на примере данного исследования мы сталкиваемся с проблемой методической, которая, тем не менее, не может быть разрешена без разработки добротных методологических оснований.

В сфере информационных технологий измере-

ние объема информации уже очень давно осуществляется, обладает развитой, удобной и понятной системой единиц. За единицу информации – бит – признается элемент кода, в который может быть переведен отдельный символ. Однако и в устоявшихся реалиях информационных технологий все же единица измерения зависит от типа кода, в который может быть переведена совокупность символов.

В исследованиях психологических, при неопределенности круга явлений, которые могут входить в понятие «информация», в сочетании с довольно большим диапазоном смежных понятий, количественную единицу измерения определить оказывается невозможным. Методика количественного измерения поступающей к отдельному человеку информации вынужденно будет определяться узкими целями исследования, носить уникальный характер, а результаты исследования лишь в малой степени могут быть экстраполированы на аналогичные эксперименты. Таким образом, в рамках психологических исследований влияния интенсификации информационной среды на человека без развития методологических оснований не могут быть разрешены вопросы: как соотносится физиологическое восприятие стимула и его психологическая интерпретация с последующей поведенческой реакцией, как физические характеристики стимула и стимулов, интегрированных в то, что в рамках конкретного эксперимента определяется как воздействующая единица, определяются центральной нервной системой человека как воздействующий стимул, какие элементы психических функций и образований оказываются включенными в этот процесс, насколько процесс информационного воздействия может рассматриваться как система.

Иными словами, мы можем констатировать необходимость обращения к остающимся неразрешенными психофизической и психофизиологической проблематике в методологии психологии [15].

Очевидно, что предлагаемые единицы количественного измерения информации также не позволяют получать удовлетворительного разрешения задач выявления законов, по которым качественные и количественные характеристики информации, поступающей к реципиенту из разных по своей природе источников, формируют его сознание. При достаточной изученности возрастных закономерностей формирования смысловых структур личности, массивность опосредованных мессенджерами источников информации также поднимает вопрос о поиске критериев квалификации той или иной информации для прогноза опасности/безопасности ожидаемого воздействия на развитие личности ребенка, подростка, на эмоциональное состояние

взрослого человека, на взаимоотношения в тех или иных социальных группах.

И в этом ракурсе возможность описания явления, которое обозначается как психологическое воздействие, становится насущной необходимостью.

Обзор современных публикаций в области психологии и смежных наук позволил сформировать довольно широкий диапазон понятий, которые используются по отношению к рассматриваемому нами явлению. Существует множество классификаций и типологий психологического воздействия, однако категоризованного определения психологического воздействия нам обнаружить не удалось.

Возможно, это объясняется тем, что первые публикации в открытом доступе по проблемам эффективности информационного воздействия, ориентированные, прежде всего, на нужды стимуляции потребительской активности населения, появились в американских психологических журналах. Начало истории исследований психологического воздействия на человека в отдельности и на группы населения принято ассоциировать с Йельским проектом по изучению коммуникации, с опубликованными вскоре после окончания Второй мировой войны «Психологией слухов» Г. Олпорта и Л. Постмана, с работами Х. Ласауэла, К. Ховлэнда, А. Лансдайна и др. Во второй половине XX века количество исследований в сфере психологического воздействия средств массовой информации на население увеличивается, появляются все новые и новые концепции психологического воздействия, имеющие явно выраженную ориентацию на обеспечение эффективности воздействия посредством разных типов коммуникации, тем не менее, категоризации ни понятия психологического воздействия, ни понятия эффективности психологического воздействия не было сформировано. В зарубежной психологии этот феномен остаётся в категории явлений, которые каждым исследователем определяются как интуитивно понятные.

Традиции отечественной науки предполагают, что изучение явления начинается с феноменологического его описания, с категоризации выделенного феномена. Однако на данный момент объективно мы имеем сформулированные и принятые психологическим сообществом принципы изучения психологического воздействия (исследовательские и этические), мы имеем констатацию сложности и системности самого феномена психологического воздействия, убедительно доказанную многозначность связей между объектами, субъектами и психическими явлениями, которые оказываются включёнными в психологическое воздействие, понимание нетождественности, но неразделимой связности

психологического воздействия как процесса и как результата одноименного процесса и необходимости учета нескольких множеств исходных данных при прогнозировании результата процесса психологического воздействия [9].

Е. Д. Павлова предлагает выделять три составляющие информационного воздействия:

1) информационная модель (знаковая система); 2) носитель информации (информационный код) и 3) информационная программа (в которую включена предметная информация) [12].

В. В. Латынов предлагает более сложную, пятифакторную структуру психологического воздействия, состоящую из таких компонентов, как субъект воздействия, объект воздействия, сфера воздействия, средство воздействия, контекст воздействия [10].

В данном случае интерес представляет не разнообразие предлагаемых структурных моделей, а неоправданное расширение терминологического аппарата. Так, по мнению В. В. Латынова, в качестве рабочего можно принять определение психологического воздействия как «... поведение человека или группы лиц, имеющих целью (или следствием) изменение поведения, когнитивной или эмоциональной сфер другого человека (группы людей)» [10, с. 12]. Е. Д. Павлова предлагает понимание информационного воздействия как «... процесса, направленного на изменение смыслов» [12, с. 81]. При этом в определении информационного воздействия редуцированы субъект и объект воздействия, соотношений же с имеющими в научном обиходе понятиями, обозначающими данные и смежные, автор не приводит. Однако смыслы не существуют вне человеческой психики, «а знания, представления, понятия, суждения личности ...» также не могут быть отделены от субъекта и его психики. Полагаем, что недостаточная терминологическая аккуратность, порождение новых понятий без доказательного разграничения с феноменами, уже имеющими то или иное обозначение в научном тезаурусе, создаёт деструктивные тенденции, которые могут быть определены посредством апофегмата «множить сущности без необходимости».

Многосложность феномена психологического воздействия, высокая вариативность составляющих его элементов, – все это обуславливает необходимость определения природы каждого из них и следовании при его описании той области научного знания, в которой данный элемент, данное явление выступает в качестве предмета исследования. Следовательно, для методологии психологической науки встаёт вопрос интеграции релевантных природе составляющих процесс психологического воздействия явлений.

При этом, каждый из предложенных элементов включает в себя множества и подмножества элементов, часть из которых могут быть определены как системы, а часть свойством системности не обладает.

Наибольшей методической оснащённостью обладает возможность описания такого элемента в психологическом воздействии, как средство воздействия. Текстовое сообщение (устное или письменное), состоящее только из вербальной информации или включающее в себя ещё и графические символы, анимированные изображения как средство психологического воздействия по предложенной Е. Д. Павловой структуре воздействия информационного может быть разложено на более мелкие единицы, затрагивающие как совпадение кода транслируемой и получаемой информации в зависимости от носителя соответственно передаваемой и получаемой информации, от источника, от фона, от массы других элементов. И это в значительной степени размывает и предмет исследования, и определённость факторов, которые влияют на него.

Однако, вероятно, по отношению к средству воздействия более продуктивным будет применение методологии, формирующейся на стыке лингвистики, филологии, психологии и теории информации, – с позиций активно развивающейся с 80-х годов прошлого века семантической теории информации (А. И. Берг, Е. К. Войшвилло, Д. Волперт, В. М. Глушковский и Р. М. Добрушин, Ю. А. Шрейдер).

Психологическое воздействие объективно, оно реализуется во всех сферах социально-психологического функционирования человека, однако часто в публикациях говорят о воздействии как о синониме таких понятий, как «манипуляция», «негативное информационное воздействие», «формирование модели поведения объекта/объектов воздействия, соответствующих целям субъекта», «тотальный контроль над человеком» и т.д. То есть, акцент делается, прежде всего, на узурпации субъектом воздействия прав и свобод объекта (группы людей – объектов) [3].

Примечательно, что проблема узурпации свободы личности в эпоху стремительного внедрения информационных технологий во все сферы жизнедеятельности человека рассматривается и с позиций контроля за поведением человека как в информационном пространстве, так и в значительной мере в реальной жизни, если при этом взаимодействие с теми или иными учреждениями, межличностное общение опосредуется информационными системами. В. А. Белокрылова и Д. Г. Доброродный, описывая систему социального рейтинга, созданную в КНР с целью борьбы с недостатком доверия в об-

ществе, высказывают мнение о том, что доверие в обществе не может быть обеспечено тотальным контролем за каждым гражданином через фиксацию и неминуемым обнародованием оценок любого поведения – просоциального ли, диссоциального ли, нейтрального ли [1]. Идея повышения доверия за счет формирования у каждого гражданина понимания неизбежной ответственности за все свои действия и поступки в силу возможностей обработки и кумулирования неограниченных по объёму баз данных из фактически всех систем, пользователем которых человек является, вероятно, может оказать противоположное действие, так как обеспечить прозрачность и полный учёт всех переменных, влияющих на поведение отдельного гражданина в каждом конкретном случае всё же не представляется возможным. Присваиваемый рейтинг, тем не менее, считается универсальным. Он действителен не только в «цифровом портрете гражданина» в государственных или финансовых информационных системах, но и в социальных сетях, включая сайты знакомств, на его основании определяются возможности получения работы, образования, устройства личной жизни, доступности к тем или иным преференциям. Рейтинг не только учитывает все сферы жизни человека при его формировании, но и влияет на все сферы. Однако такая тотальность, сведение всех сфер реализации человека в многообразных социальных отношениях к единой количественной по своей сути оценке скорее способна сформировать повышенную напряжённость в общественных отношениях, вызвать избыточное недоверие и среди людей в непосредственном взаимодействии, и, тем более, в информационном пространстве. По сути данная система стала примером экстраполяции скоринга в финансовых системах, примером сохранения принципов оценки надёжности человека с точки зрения прогнозируемости его поведения в финансовых отношениях на все без исключения сферы жизнедеятельности, вплоть до влияния на этот рейтинг характера взаимоотношений с соседями.

Закономерно, что развитие возможностей накопления, сохранения и вариативной обработки данных формирует и новые модели взаимоотношений между людьми в цифровом пространстве и вне его. Эти изменения в значительной степени актуализируют проблемы базового доверия и недоверия миру, которые, согласно концепции Э. Эриксона, выступают основой эмоционального развития личности, доминирования тех или иных паттернов в поведении, создавая тем самым и перспективы общественного развития. Избыточное доверие, так же, как и избыточное недоверие, рассматриваются рядом современных авторов как прогностически неблаго-

приятные признаки развития отдельной личности и в целом общественных взаимоотношений [8].

Следовательно, возникает необходимость разработки методологических основ регуляции оптимального использования возможностей накопления, сохранения и применения данных о поведении человека в цифровом и реальном пространстве, осмысления роли цифровых систем как нового института социализации человека.

По мере развития и совершенствования технических средств обеспечения активности людей в информационном пространстве всякий раз заново возникает вопрос о методах психологических исследований, точнее о повышении их релевантности практическим задачам обеспечения психологической безопасности населения.

Дифференциация психологического воздействия по характеру субъектности в этом акте на императивное и манипулятивное, на внушение и убеждение позволяет в некоторой степени прояснить техническую сторону учета актуальных для объекта воздействия целей, однако не проясняет психологического смысла той или иной интервенции. Усугубляет семантическую размытость данных понятий и тот факт, что традиционно как понятие «манипуляции», так и понятие «императива» в контексте обсуждения особенностей взаимодействия между людьми обладает негативным смысловым оттенком. Между тем, любая психотерапевтическая техника включает ряд приемов, которые можно в полной мере отнести и к технике манипуляций, и к технике императива; педагогические технологии также предполагают ряд приемов, направленных на организацию учебного процесса, формирование и поддержание учебной мотивации, управление вниманием группы детей в процессе обучения, которые носят характер внушения, а убеждающее воздействие может предваряться манипулятивными элементами. В этом обнаруживается еще одна методологическая проблема: поиск критериев, которые позволили бы однозначно разделять информационное воздействие, психологическую интервенцию (коррекцию) и воспитательное воздействие.

Сохранение баланса между направленным и спонтанным информационным воздействием формирует новые задачи в области психологии педагогической. Вероятно, также, как обучение элементарным навыкам социального взаимодействия при условии нормативного психического развития ребенка, не должно носить строго направленного и ограниченного характера, ребенку, подростку, юноше нужно научиться получать информацию из разных источников, научиться избирательно относиться к ней, исключая что-то из своего рациона. В этом

смысле только меры организационного характера, например, внедрения в школьную программу специальных занятий и предметов не смогут в полной мере решить поставленных задач. Меры запретительного характера обоснованы и целесообразны, однако в силу высокой скорости изменений в техническом обеспечении информационного пространства не могут рассматриваться как достаточные.

Вновь злободневными стали задачи, которые в череде реформ системы образования и общественного сознания в связи с изменениями социально-экономической формации, пережитой Российской Федерацией, оказались в категории анахронизмов – это проблемы нравственного и патриотического воспитания. При этом речь идет не только о детях и подростках, но и о взрослом населении, о когорте людей, согласно возрастной периодизации, относящихся к периоду первой и второй взрослости – (25–40 лет), которые уже обладают устоявшейся картиной мира, сформированной системой ценностей, тем или иным жизненным опытом. В этом смысле психолого-педагогическая проблема нравственно-патриотического воспитания обретает акцент формирования и поддержания межпоколенческого взаимодействия. Например, исследование детерминации образа «Я» у современных подростков, выполненное Н. Н. Королевой, И. М. Богдановской, В. Ф. Луговой, показало, что в наибольшей степени формируется под воздействием «информационной и медийной среды, объединенной в пространстве интернет-коммуникаций» [7]. Помимо привычных «Я-реального» и «Я-идеального» обнаруживается «Я-виртуальное», сублимирующее паттерны поведения в интернет-пространстве, реализуемые по лекалам и на основании принципов, задаваемых принимаемыми на себя ролями персонажами компьютерных игр. В данном исследовании убедительно доказан факт непосредственного влияния информационного контента не только на содержание, но и в целом на смысловую организацию личности подростков. Виртуальная среда для современного подростка – та же реальность, не альтернативная, и не дополняющая объективную. Это одна из составляющих их объективной реальности. Выраженных противоречий между «Я-реальным» и «Я-виртуальным» у подростков не обнаружено. Авторы упомянутой публикации не ставили перед собой задачи соотнести характеристики «Я-виртуального» и поведенческие паттерны и личностные свойства респондентов, однако представленные результаты дают основание предположить наличие связей между этими категориями. То есть, возникает необходимость некоторой ревизии структуры личности в связи с появлением виртуального пространства.

«Я-виртуальное» – это реальность социализации подростков и молодых людей, рожденных в первые 20 лет нашего века. Однако социализация ребенка в условиях расширенного диапазона моделей социализации, которые по своему качеству существенно отличались от моделей, которые имели место у предшествующего поколения, – это проблема, с которой столкнулось поколение рожденных в последнее десятилетие прошлого, XX века. При этом возникает необходимость психологического описания моделей социализации, имеющих в основе своей ценностное своеобразие, которое далеко не во всех случаях отвечает сформировавшимся в русле отечественной психологии, признанной во всем мире возрастной периодизации, основанной не столько на хронологических принципах, сколько на принципе последовательной смены трех основных психологических феноменов: ведущий вид деятельности, социальная ситуация развития и новообразования возраста [14].

Некоторые из предлагаемых моделей социализации зачастую провоцируют инфантилизацию как основное условие достижения искомого положения в социальном пространстве, хотя, казалось бы, в основе этих моделей лежат такие замечательные ценности, как самореализация и самовыражение. Подтверждением данного факта может быть исследование, проведенное Т. А. Болдыревой, О. А. Щербининой и Е. В. Богуновой, о системе ценностей представителей рокерской субкультуры. Обнаружено, что принятие субкультурной модели социализации «рокер» рекуррирует прежде всего к ценностям самоактуализации и творчества, сохраняющим свою неизбывную актуальность для человека в ущерб иным ценностям, которые закономерно изменяются при последовательной смене возрастных этапов, обеспечивая тем самым инфантильность в социальных моделях поведения. Примечательно, что нечто подобное было обнаружено и в процессе исследования ценностей ориентаций молодых людей, страдающих алкоголизмом, которые выполнялись в 2012-2014 годах в рамках выпускных квалификационных работ студентами кафедры общей психологии и психологии личности Оренбургского государственного университета. Если следовать юнгианской традиции, устойчиво повторяющиеся феномены можно было бы обозначить как синдром Питера Пэна, хотя в структуре наблюдаемых проявлений чаще присутствовала неспособность осмыслить и присвоить ценности этапа взрослости, нежели протест.

Информационное пространство, будучи новой средой социализации ребенка/подростка, социального функционирования взрослого человека об-

ращает нас к необходимости разработки в рамках психологической методологии понятий не столько ограничения пространства, сколько формирования еще одного социально значимого навыка – компетентности ценностно-смыслового ориентирования в цифровом пространстве.

В обширном диапазоне ракурсов, через которые оказывает влияние на психологию развитие информационного пространства, таким образом, можно обозначить два наиболее существенных аспекта:

1. информационное воздействие оказывается посредством собственно информации (текстов, сообщений в видео-аудиоформате);

2. информационное воздействие обеспечивается особенностями функционирования самого информационного пространства (как реальности с существенно ограниченными возможностями сохранения конфиденциальности человека, с возможностями тотального контроля и снижением функции «забывания» действий и поступков человека в информационной среде).

Накопленные изменения в области технического оснащения коммуникации между людьми и сообществами, изменение удельного веса информации как в сфере общественного производства, так и в сфере регулирования общественных процессов, сформировало условия, в которых исследование ряда феноменов заставляет развивать, уточнять и совершенствовать методологическую базу психологии. Эти изменения затронули фактически все направления психологической науки, как и предсказывал Б. Ф. Ломов, объясняя непреложную ценность системного подхода в психологии, развитие понятийного аппарата, позволяющего описывать ситуацию функционирования психики как систему, неизбежно будет ставить перед методологией научного психологического знания общетеоретические вопросы [11]. Каждая новая практическая задача будет требовать пересмотра и уточнения представлений о природе психического, о единицах и элементах, об их связях, которые обеспечивали бы основное свойство психики – целостность.

В современных условиях мы наблюдаем необходимость обращения и верификации фундаментальных методологических принципов понимания и исследования явлений, психических по своей природе, но возникающих как эффект взаимодействия и биологических, и технологических и социальных компонентов. Действительно ли развитие информационных технологий изменяет законы развития и функционирования человеческой психики, или раскрываются новые закономерности, проявление которых отражает адаптационные процессы к изме-

нившимся условиям функционирования психики, верифицирует и обогащает имеющийся у нас арсенал представлений о психофизических, психофизиологических и психогенетических законах?

Литература

1. Белокрылова В. А., Доброродный Д. Г. Конвергенция социальных и информационных технологий и проблема доверия в цифровом обществе // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2022. – № 1. – С. 18–26.
2. Ботова М. М. Детерминация страха заражения в период распространения новой коронавирусной инфекции и особых условий жизни общества // Шаг в науку. – 2021. – № 2. – С. 69–73.
3. Вольвач Р. В. Информационное воздействие как средство социального управления // Человеческий капитал. – 2012. – № 9(45). – С. 140–144.
4. Диков А. В. Эволюция Интернета от начала до наших дней и далее // Школьные технологии. – 2019. – № 2. – С. 3–8.
5. Дятлов С. А. Принципы информационного общества // Информационное общество. – 2000. – № 2. – С. 77–85.
6. Коган Б. М., Валентик Ю. В., Дроздов А. З. Роль моноаминовых систем в реализации эффектов психокоррекционных и информационных воздействий на человека. // Информационный бюллетень РФФИ, 5 (1997) БИОЛОГИЯ, МЕДИЦИНСКАЯ НАУКА. – М.: НИИ нормальной физиологии им. П.К.Анохина (НИИНФ РАМН), 1997 – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_232276_86005837.htm. (дата обращения: 23.04.2023).
7. Королева Н. Н., Богдановская И. М., Луговая В. Ф. Воздействие современной информационной и медиасреды на «образ Я» подростков // Universum: Вестник Герценовского университета. – 2014. – № 2. – С. 87–94.
8. Купрейченко А. Б. Психология доверия и недоверия. – М.: Институт психологии РАН, 2008. – 576 с.
9. Латынов В. В. Психологическое воздействие: принципы, механизмы, теории // Психологическое воздействие: Механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под редакцией А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой. – М.: Институт психологии РАН, 2012. – С. 11–52.
10. Либерман Я. Л. К определению силы информационного воздействия на человека при исследовании уровня его психической реакции // Символ науки: международный научный журнал. – 2023. – № 2-1. – С. 53–58.
11. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1999. – 349 с.
12. Павлова Е. Д. Составляющие информационного воздействия на сознание / Е. Д. Павлова // Аспирант и соискатель. – 2007. – № 4(41). – С. 81–84.
13. Решетников М. М. Гениальные идеи и гениальные ошибки (Нематериальная теория психики – второе сообщение) // Обзорение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. – 2019. – № 3. – С. 36–41. <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2019-3-36-41>.
14. Рудковский Э. И. Особенности социализации молодежи в условиях информационного общества // Ученые записки УО ВГУ им. П.М. Машерова. – 2022. – Т. 35. – С. 112–115.
15. Степанова Ю. В., Балин В. Д. Естественнонаучная парадигма в Московской и Санкт-Петербургской (Ленинградской) психологических школах (на материале Вестников МГУ и СПбГУ) // Вестник психофизиологии. – 2020. – № 2. – С. 9–22. <https://doi.org/10.34985/e9253-8120-8563e>.
16. Фортунатов А. Н. О некоторых формах защиты личности от информационного манипулирующего воздействия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. – 2003. – № 1. – С. 170–179.
17. Щербинина О. А. Риски нарушения функционирования семей с детьми – младшими школьниками в условиях пандемии COVID-19 // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития : Сборник материалов III Всероссийского симпозиума психологов с международным участием, посвященного 30-летию со дня образования психологического факультета Академии ФСИН России, Рязань, 08–09 апреля 2021 года. Том Часть III. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. – С. 323–327.

Статья поступила в редакцию: 15.05.2023; принята в печать: 05.06.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.